

ЗЕМЕЛЬНО-ВОДНАЯ РЕФОРМА В УЗБЕКСКОЙ ССР (1925—1929)

А. Гуревич

После проведения земельно-водной реформы в Узбекской ССР прошло уже два десятилетия, но до сих пор нет ни одного исторического исследования, посвящённого этому важному мероприятию советской власти в крупнейшей республике Средней Азии.

Ни в экономических работах, ни в журнальных статьях, ни в популярных брошюрах по истории Узбекской ССР мы не находим даже полных цифровых итогов земельно-водной реформы. Статистические издания обычно ограничиваются приведением данных о земельной реформе лишь по четырём областям: Ферганской, Самаркандской, Ташкентской и Зеравшанской (Бухарский оазис),— где она была осуществлена в 1925 — 1927 гг., и совершенно не упоминают о результатах реформы в отдалённых и отсталых районах — на Кашка-Дарье, Сурхан-Дарье и в Хорезме,— где реформа проводилась в последнюю очередь, в начале 1929 года¹.

В настоящей статье мы имеем в виду кратко рассмотреть исторические предпосылки, общий ход и итоги земельно-водной реформы в Узбекистане.

Колониальная окраина царской России, Туркестанский край, несмотря на некоторое развитие капиталистических отношений, в хозяйственном и культурно-политическом отношении был одним из отсталых районов империи. Ещё менее, чем Туркестан, были затронуты капиталистическим развитием полуколонии царской России—Бухарский эмират и Хивинское ханство. Отсталость Средней Азии коренилась в сохранении феодально-родового уклада в сельском хозяйстве, существование которого поддерживалось всей колониальной политикой военно-феодального империализма России.

Включение Средней Азии в систему российского капитализма повлекло за собой усиленный рост классовой дифференциации в кишлаке. Дальше всего процесс социального расслоения зашёл в наиболее втянутой российским капиталом в сферу торгового земледелия хлопковой Ферганской долине, где 51% всех хозяйств имели до 1 десятины земли и владели всего 9,8% культурной площади. Составляя вместе с середняцкими хозяйствами, имевшими каждое обычно не более 3 десятин земли, 81,1%, такие трудовые хозяйства располагали только третьей частью площади Ферганы. Земельные же собственники, имевшие свыше 10 десятин земли и составлявшие всего 3,5% общего числа дворов, владели 31,3% возделанной площади².

Несколько слабее была социально-экономическая дифференциация в двух других центральных областях Туркестана — Сыр-Дарьинской

¹ Ср., например, статистические сборники «Средняя Азия в цифрах», изд. Средазгосплана. Ташкент. 1931; «Узбекистан за XV лет». Ташкент. 1939.

² «Материалы всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 г.». Вып. II. «Поволостные итоги Ферганской области», стр. 53. Самарканд. 1925; см. также «Земельно-водная реформа в Средней Азии». Доклад Средазбюро ЦК ВКП(б) Центральному Комитету ВКП(б), стр. 4. Ташкент. 1926.

Ташкентская) и Самаркандской, — где торговое хлопководство было развито менее, чем в Фергане.

Большинство крупных землевладельцев в Туркестане были выходцами из среды «новых богачей» — кишлачных ростовщиков, городских и деревенских торговцев, скупавших землю или отбравших её за долги бедноты. Некоторое число крупных земельных собственников Туркестанского края составляли потомки ущемлённой царизмом феодальной знати, сумевшие вновь расширить своё землевладение посредством скупки, ростовщических операций и т. д.

Особенно слабым было классовое расслоение в Бухаре и Хиве, где ещё сохранялось крупное привилегированное феодальное землевладение и где натуральное, патриархальное хозяйство вытеснялось товарным медленнее, чем в Туркестанском крае.

Для мобилизации земли байство³ использовало своё посредничество между русскими фирмами и дехканами-хлопководцами. Российский капитал способствовал созданию в Средней Азии специализированных сельскохозяйственных районов (прежде всего хлопководческих) путём целевого кредита. Усиленное выкачивание хлопка и другого сырья из кишлака привело к образованию армии местных посредников, действовавших под командой русских банков и текстильных фирм. Ссуда, дававшаяся торговыми фирмами под хлопок, доходила обычно до непосредственного производителя в виде ростовщического кредита, достигавшего нередко 50% в год и выше⁴. Обеспечением служила земля заёмщика. В случае несостоятельности дехкана (а это было обычным явлением при плохом урожае хлопка) земля, представлявшая обеспечение, продавалась с торгов⁵. Эта картина была типичной как для Ферганской, наиболее обременённой долгами области, так и для других хлопковых районов.

Общая задолженность дехканского населения Средней Азии баям-ростовщикам в колониальный период возрастала из года в год. Обезземеливалось всё большее и большее количество трудовых хозяйств.

Комбинируя экономические способы экспроприации крестьянства с внеэкономическими (путём использования своего положения в низовой администрации, казийских судах и т. д.), узбекское байство к 1917 г. сосредоточило в своих руках большие земельные имущества.

Концентрация в руках помещиков и кулаков лучшей по качеству земельной площади, прогрессирующее обезземеление дехканства, при слабом развитии местной промышленности, вызвали сильное аграрное «перенаселение» и широкое развитие кабальной аренды. Большое значение в этом процессе имела недостаточность площади культурных земель. Важным условием культурного земледелия в климатических условиях Средней Азии являлось искусственное орошение. Царские власти и русские капиталисты не вносили никаких существенных улучшений в старую туземную оросительную сеть с её огромной потерей воды, заболачиванием и осолонением почвы. Старая, примитивная сеть по-прежнему играла доминирующую роль: удельный вес инженерных, полунинженерных и улучшенных систем в 1915 г. не превышал 6%⁶.

³ Термин «бай» в Узбекистане означал богатого человека, эксплуататора вообще, безразлично, был ли это помещик-полуфеодал, кулак-предприниматель или ростовщик, городской купец и т. д. В этом общем, собирательном смысле употребляется слово «бай» и в данной статье. Нам неизвестно, чтобы на узбекском языке имелось специальное обозначение для той многочисленной и сильной группы эксплуататоров, которая получила в России наименование кулачества. Отсутствие в дореволюционном Узбекистане такого специального наименования следует объяснить, по нашему мнению, недостаточным отслоением капиталистических элементов кишлака от полуфеодалов (об этом см. ниже).

⁴ Масальский «Материалы для изучения хлопководства». Т. III, стр. 66. Петроград. 1917.

⁵ «Хозяйство сартов Ферганской области», стр. 59—60, 70. Ташкент. 1911.

⁶ «Труды и материалы первой конференции по изучению производительных сил Узбекистана». Т. III, стр. 78.

Главный инвентарь узбекского дехканина-хлопководы и в XX в. продолжали составлять такие архаические орудия, как *омач* (деревянная соха), *мала* (деревянная борона) и ручной *кетмень* (заменявший соху). Обширные же богарные площади⁷ при подобной примитивной технике давали низкие и неустойчивые урожаи зерна.

В 1917 г. в Ферганской области сдавалось в аренду 137 592 десятины земли, что составляло свыше 13% всей культурной земельной площади Ферганы. Основная часть этой земли (111 889 дес.) сдавалась в натуральную, издольную аренду из расчёта получения от издольщика-чайрикера⁸ половины и большей части урожая⁹. Местами арендатору её оставлялась лишь третья или даже четвертая часть урожая¹⁰. На снижение своей доли бедняк-арендатор вынужден был идти ввиду отсутствия у него средств производства и необходимости пользоваться рабочим скотом *сдатчика-бая*.

Объединение в одном лице помещика, получателя земельной ренты и ростовщика было типичным явлением для дореволюционного Узбекистана. К эксплуататору отходил прибавочный продукт, а во многих случаях — и часть необходимого продукта закабалённого чайрикера. На дешёвую аренду приходилась незначительная часть сдаваемой земли. Издольная аренда накануне 1917 г.¹¹ являлась самым характерным и доминирующим типом полufeодальной эксплуатации в кишлаке. В силу ряда причин эта же форма эксплуатации сохранялась и накануне земельно-водной реформы.

В глухих, далеко отстоящих от торговых центров земледельческих районах Кашка-Дарьинской и Сурхан-Дарьинской областей вплоть до середины 20-х годов, т. е. до начала земельно-водной реформы, пережитки патриархально-родовых отношений, прикрывавшие довольно далеко зашедшее классовое расслоение, использовались байской верхуш-

⁷ Богара — земледельческая площадь, рассчитанная на выпадение естественных осадков, не всегда достаточных даже в горных и полугорных районах Средней Азии. Поэтому культурное освоение богары стало возможным лишь после Великой Октябрьской социалистической революции, в результате создания колхозного строя и социально-технической реконструкции богарного земледелия.

⁸ Точный смысл слова «чайрикер» — «работающий за четвертую часть». В обиходе это слово давно стало обозначать издольщика вообще, получая ли он половину, третью, четвертую или другую часть урожая.

⁹ «Материалы всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 г.». Вып. II, табл. на стр. 25.

¹⁰ «Бюджеты 45 хозяйств Ферганской области по обследованию 1915 г.», стр. XXX. М. 1924.

¹¹ Тщательно собранный материал сплошного обследования дехканских хозяйств типичного хлопкового района — Кокан-Кишлакской волости, Ферганской области, — осенью 1925 г. позволил сделать вывод, что «чайрикер никоим образом по условиям работы не напоминает наёмного рабочего. Условия его работы ближе к условиям барщины». Говоря о путанице, которую допускают некоторые современные исследователи, смешивающие чайрикера с наёмным рабочим, руководитель обследования правильно отмечал, что часть чайрикеро-в, в отличие от наёмных рабочих, обладала средствами производства; чайрикеры обычно были привязаны к баю всевозможными кабальными связями ещё до начала работы у него: они не могли уйти с арендованного участка до сбора урожая, не потеряв свою долю (Д а в ы д о в А. «Кокан-Кишлакская волость перед земельной реформой», стр. 74—75. Ташкент. 1926). К этому следует добавить, что указанная выше антимарксистская тенденция отождествить институт чайрикерства с наёмным глумом, проводившаяся в некоторых экономических и исторических работах в период земельно-водной реформы и вплоть до 1929 г., несомненно, имела целью ослабить удар по помещичьим, отчасти кулацким элементам, широко применявшим средневековые методы эксплуатации дехканства. Под влиянием этой концепции законодательство УзССР до конца 20-х годов ошибочно не различало издольную аренду от найма рабочей силы. Характерно, что чайрикеры вовлекались в члены профсоюза сельхозрабочих и до 1929 г. в количественном отношении преобладали в этом союзе. Лишь после указания ЦК ВКП(б) (май 1929 г.) на необходимость «разработать особо, на основе советских законов меры защиты чайрикерства от кабальной эксплуатации кулачества» (Постановление ЦК ВКП(б). «Узбекстанская правда» от 2 июня 1929 года) был положен конец смешиванию чайрикеро-в с вольнонаёмными рабочими. Эта установка нашла отражение в новом земельно-водном кодексе УзССР, утверждённом ЦИК УзССР в октябре 1929 года.

кой для докапиталистической эксплуатации бедняков-сородичей¹². Наибольшую силу и устойчивость патриархально-родовой уклад сохранял в районах кочевого и полукочевого скотоводства¹³.

Более близкие к капиталистическим отношения встречались в сельском хозяйстве Туркестана до 1917 г. преимущественно в окрестностях больших городов со значительными рынками, например в районе Ташкента. Обычно такие хозяйства, ведущиеся кулаками-землевладельцами или арендаторами, носили интенсивный товарный характер (сады, виноградники, огороды и т. д.). Удельный вес этих хозяйств в общей экономике узбекской деревни был, однако, незначителен.

Важнее было, что капиталистический уклад развивался в хлопководстве, широко связанном с общероссийским рынком и отличавшемся высокотоварным характером¹⁴. Если к найму рабочей силы в форме подёнщины или сдельщины в силу сезонной специфики обработки хлопка (короткие сроки для окучки только что политых участков, определённые сроки сборов хлопка и т. д.) вынуждены были нередко прибегать и трудовые хозяйства, то в кулацких хозяйствах применение наёмного труда носило систематический характер: наряду с батраками-подёнщиками и сдельщиками в таких хозяйствах практиковался наём сроковых (годовых, сезонных, помесячных) рабочих (каралов).

Развитие высокотоварного земледелия, втягивая в водоворот рыночных отношений бедняцкие и середняцкие хлопковые хозяйства, ускоряло их разорение и обезземеление. Увеличившаяся армия обнищавших дехкан была главным резервом сельскохозяйственного пролетариата.

В батраки и подёнщики вынуждены были зачастую наниматься и бедняки, сохранившие клочок земли. Это был социальный тип, который Ленин, говоря о русской деревне, назвал классом «наёмных рабочих с наделом»¹⁵. Но если в России рабочий с наделом был «типичнейшим представителем русского сельского пролетариата»¹⁶, то в Туркестане удельный вес этой группы, как и всего сельскохозяйственного пролетариата, был несравненно ниже; большая часть малоземельной бедноты шла в чайрикеры, т. е. в значительной мере оставалась в кругу докапиталистических отношений. В Туркестане не только не было помещичье-капиталистического хозяйства, но и подавляющее большинство кулацких хозяйств широко применяло полуфеодалные методы эксплуатации.

При помощи наёмного труда кулацкие хозяйства обрабатывали лишь часть своей земли; большую её часть, особенно хлопковую площадь, они сдавали в издольную, т. е. в кабальную, аренду. В местном кулаке, таким образом, переплетались черты капиталистического эксплуататора с элементами эксплуататора феодально-ростовщического типа. Он в меньшей степени был предпринимателем капиталистического типа, чем представителем «азиатчины», наличие которой Ленин в известной степени отмечал даже в гораздо более развитом экономически русском кулаче-

¹² Об остатках общинно-родового землепользования в 1925 г. и даже позже см. «Народное хозяйство Средней Азии» № 7 за 1925 г., стр. 69—75, а также журнал «За реконструкцию сельского хозяйства» № 2 за 1929 г., стр. 117—126; № 3, стр. 116—121.

¹³ По данным 1925 г., численность кочевого и полукочевого населения в УзССР составляла всего 50 тыс. при почти пятимиллионном населении республики («Материалы по районированию Узбекистана», вып. I, стр. 7. Ташкент. 1926). В руках этой группы, однако, сосредоточивалась значительная доля животноводства, в частности разведение каракулевых овец.

¹⁴ В отличие от зерновой полосы России, к торговому земледелию в Средней Азии переходили даже маломощные хозяйства, занимавшиеся хлопководством.

¹⁵ Ленин. Соч. Т. III, стр. 128.

¹⁶ Там же.

стве в виде его торгово-ростовщической деятельности¹⁷. Капиталистические формы сосуществовали с полуфеодальными в одном и том же кулацком землевладении: рядом с собственным предпринимательским хозяйством кулака располагались участки, сданные им в аренду чайрикерам. Нарождавшийся в сельском хозяйстве колониального Туркестана капиталистический уклад тесно переплетался со старыми, докапиталистическими отношениями¹⁸.

Средний размер крупного землевладения в Узбекистане был ниже, чем в России, и владения в 100—150 десятин здесь считались крупными. Но вследствие высокой ценности поливной земли и большей доходности хлопководства, чем зернового хозяйства в России и на Украине, класс баев-помещиков до самой земельно-водной реформы обладал значительной хозяйственной мощью и поэтому оказывал большое политическое влияние на кишлак.

Важнейшей местной особенностью являлась заинтересованность в сохранении полуфеодального землевладения и докапиталистических форм эксплуатации не только кишлачных эксплуататоров-помещиков, кулацких элементов, ростовщиков и торговцев, богатых имамов и мулл, но и многих городских баев, не живших в кишлаке, однако владевших значительным количеством земли и сдававших её в аренду чайрикерам¹⁹.

Живучести восходившего к средневековью института чайрикерства способствовала и мусульманская религиозная традиция, идеализировавшая роль крупного землевладельца, освящавшая беспощадную феодальную эксплуатацию им дехкана. Одна из статей шарията, писанного мусульманского права, прямо возводила в канон «товарищество, в котором один из товарищей приносит свою землю, а другой — свой труд».

Растущее обезземеление и обнищание дехканства, действие кабальных форм аренды и пагубное влияние ростовщичества задерживали развитие техники сельскохозяйственного труда, в основном застывшей на том уровне, на каком она находилась в средние века. Беспощадно эксплуатировавший чайрикера землевладелец считал излишним вкладывать средства в современный «европейский» инвентарь; задавленный же кабалой и нуждой чайрикер не имел материальной возможности приобретать железный плуг, борону, сеялку и другие усовершенствованные орудия.

Натуральная издольная аренда в условиях двойного гнёта — «своих» и «чужих» эксплуататоров — являлась серьёзным тормозом в деле подъ-

¹⁷ См. Ленин. Соч. Т. III, стр. 50.

¹⁸ Уже упомянутое обследование Кокан-Кишлакской волости, проводившееся перед земельной реформой, показало, что в среднем на одно кулацкое хозяйство, применяющее труд постоянных и сроковых рабочих (каралов) и чайрикеров, приходилось 1 карал и 1,5 чайрикера. В крупных же помещичьих хозяйствах на каждое из них приходилось по 1 каралу и 2,6 чайрикера. На 375 чайрикеров в эксплуататорских хозяйствах всех типов приходилось 59 каралов (Давыдов А. «Кокан-Кишлакская волость перед земельной реформой», стр. 135). Различие способов эксплуатации в помещичьих и кулацких хозяйствах было весьма относительно и носило скорее количественный, чем качественный характер. К этому выводу и приходит, собственно, руководитель указанного обследования, говоря, что местный кулак — «скорее маленький бай, нежели grosbauэр». «Наряду со сравнительно небольшим количеством годовых и сроковых батраков (каралов) мы наблюдаем преимущественно феодальную систему эксплуатации чужого труда на основах чайрикерства. Да и характер эксплуатации каралов (способы оплаты и пр.), по существу, носит ярко выраженные феодальные черты» (там же, стр. 137—138). Особенная отсталость узбекского, туркменского и т. д. кулачества игнорировалась в большей части экономической и исторической литературы Средней Азии 20-х годов под влиянием антимарксистских концепций, пытавшихся изобразить местное кулацкое хозяйство как чисто капиталистическое и «прогрессивное» явление.

¹⁹ По подсчётам обследователей Кокан-Кишлакской волости, более третьей части огромной ренты, выплачиваемой чайрикерами, шло в распоряжение горожан и целиком уходило из сельского хозяйства; остальные две трети шли в карман помещиков и кулаков, почти целиком поступаая в непроизводительное потребление этих групп (Давыдов А. Указ. соч., стр. 139).

ёма производительных сил и перехода к капиталистическому земледелию²⁰.

Какой бы крупный район Средней Азии мы ни взяли: наиболее экономически развитую Фергану или крайне отсталую, кочевую степь, — всюду мы видим, что классовая дифференциация не приняла тех отчётливых форм, которые были типичны для деревни дореволюционной Центральной России с её двумя усиливающимися полюсами — кулаками и обуржуазившимися помещиками, с одной стороны, и пролетаризирующимися массами крестьянства — с другой.

Сохранение в Узбекистане феодально-родового уклада и колониальный режим задерживали массовое образование как сельскохозяйственных рабочих, так и промышленного пролетариата, передового класса народа, и мешали высвобождению масс населения кишлаков из-под влияния эксплуататоров — помещиков-полufeодалов, кулаков, ростовщиков и мулл. Пережитки патриархально-родовых отношений и колониальный режим порождали огромную культурно-политическую отсталость дехканства.

Всё это, взятое вместе, тормозило в первые годы после Октября ликвидацию байско-помещичьего землевладения и вовлечение дехканства в социалистическое строительство²¹.

В первый период после Октябрьской революции в Туркестане были ликвидированы те крупнейшие земельные владения, собственники которых своим хищничеством и тесными связями с царскими колониальными властями вызывали особенную ненависть дехканства. За время существования Бухарской Народной Советской республики была проведена национализация лишь владений эмира, его чиновников и приближённых. Но бухарское крестьянство почти ничего не получило из этого фонда в результате антинародной политики буржуазных националистов, задававших тон в бухарском правительстве до середины 1923 года.

Одним из серьёзных последствий империалистической и гражданской войн были разорение и обнищание новых слоёв дехканства, а с другой стороны — особенно в условиях нэпа, — дальнейшая мобилизация земельной собственности помещиками, кулаками, деревенскими ростовщиками и городскими баями.

Земельный учёт, проведённый в 1924—1925 г. в центральных хлопковых районах республики накануне земельно-водной реформы, дал картину сохранившейся значительной концентрации земли в руках помещиков, кулаков, городских баев при дальнейшем измелчании и обезземелении трудовых хозяйств²².

Рост в узбекском кишлаке классовой дифференциации в условиях общего упрощения к 1924—1925 г. советского строя и почти полной ликвидации басмачества в Средней Азии, при наличии примера Советской России, Украины и др., где ещё в 1918 г. крестьянство получило помещичью землю, вызвал в период восстановления народного хозяйства усиление тяги широких слоёв батрачества, безземельной и мало-

²⁰ Следует иметь в виду отличие формы издольной аренды в Средней Азии от существовавшей в ряде стран Европы системы издольного хозяйства, которую Маркс характеризовал как «переходную форму от первоначальной формы ренты к капиталистической» («Капитал», т. III, стр. 707. 1938). Маркс имел в виду систему, являвшуюся шагом вперёд в развитии производительных сил, переходной формой от феодализма к капитализму в сельском хозяйстве. В Средней же Азии система издольной аренды, законсервированная, как и весь феодально-родовой уклад, специфическими условиями колониального режима, играла в XIX и XX вв. в развитии земледелия не прогрессивную, а задерживающую роль, лишая непосредственного производителя даже части необходимого продукта.

²¹ О большом влиянии байства и мулл на трудящихся «сартов» и необходимости повременить с проведением решительных социальных мероприятий Ленин говорил в 1919 г. на VII съезде РКП(б). См. Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 136.

²² См. «Отчёт по проведению земельно-водной реформы в областях Самаркандской, Ферганской и Ташкентской», табл. на стр. 22. Ташкент. 1927.

земельной бедноты к переделу байских земель. В нарастании аграрного движения определённую роль играло усиление хозяйственной смычки социалистического города с кишлаком, рост советского пролетарского влияния на трудовые низы дехканства, а также мероприятия большевистской партии и советской власти, вытекавшие из ленинско-сталинской национальной политики. Здесь первое место принадлежало частичной земельной реформе, проведённой в 1921 г. в Туркестанской АССР и направленной против русского кулака-колонизатора. В результате этой реформы около 13 тыс. бедняцких хозяйств, в том числе более 3 тыс. узбекских, получили землю, отобранную до революции у казахов, киргизов и узбеков царским переселенческим управлением или захваченную русскими кулаками после подавления национально-революционного восстания 1916 года²³. Хотя эта земельная реформа охватила сравнительно небольшую территорию и не дала значительных хозяйственных результатов (в частности из-за слабого снабжения инвентарём и недостаточности другой помощи наделённым землёй хозяйствам), но её политические последствия были значительны. Известия об отобрании земель у кулаков-колонизаторов в пользу узбекской, казахской и киргизской бедноты являлись лучшей формой агитации за советскую власть. Земельная реформа 1921 г. содействовала укреплению доверия узбекского, казахского и других народов Средней Азии к русскому народу и мероприятиям советской власти, ускорила высвобождение трудящихся кишлака из-под байско-националистического влияния.

Крупную роль в повышении классового самосознания трудового дехканства сыграло проведённое в 1924 г. национальное размежевание Средней Азии. Образование по национальному признаку Узбекской ССР и других республик вместо прежних многонациональных образований — Туркестана, Бухары и Хорезма — устранило межнациональные трения из-за культурной земли, сети орошения и т. п. Проводимая большевистской партией линия на «национализацию советов» (Сталин) путём приближения органов власти к населению и создания национальных республик ещё больше подорвала влияние байско-националистических элементов.

Национально-территориальное воссоединение узбеков, туркмен и других народов Средней Азии под эгидой советской власти, дав мощный толчок развитию всех сторон национальной жизни (рост экономической, культурной и языковой общности каждого народа), способствовало вместе с тем укреплению интернациональной спайки трудящихся масс коренного населения с русскими трудящимися, а также между трудящимися массами местных национальностей.

Поэтому накануне проведения земельно-водной реформы в ноябре 1925 г. ЦК компартии Узбекистана имел возможность констатировать, что «национальные трения, существовавшие между отдельными национальностями до размежевания, разжигаемые в своих интересах национальной буржуазией, духовенством и национал-шовинистически настроенной интеллигенцией, начинают изживаться и носят характер отдельных, мелких частных случаев»²⁴.

Обстановка в Узбекистане непосредственно перед проведением земельно-водной реформы характеризовалась ростом в кишлаках коммунистических и комсомольских ячеек, укреплением батраческой профсоюзной организации Всеработземлеса, усилением роли в борьбе с байско-кулацкими элементами созданного ещё во время земельной реформы 1921 г. союза трудящихся дехканства «Кошчи» и т. д.

²³ Наркомзем УзССР. Материалы ко 2-у курултайу Советов. «Земельный вопрос в Узбекистане», стр. 11. Самарканд. 1927.

²⁴ Доклад ЦК компартии Узбекистана на II республиканском съезде КП(б)Уз, стр. 11. Самарканд. 1925.

Усиление советского влияния в кишлаке, рост организованности батрачества и беднейших слоёв дехканства проявились в заметном расширении аграрного движения, особенно в Ферганской долине, где земельный вопрос стоял чрезвычайно остро. Движение за земельно-водную реформу в 1924 г. распространилось с особенной силой в Наманганском и Маргелланском уездах Ферганской области. Здесь батраки, организованные в профсоюз Всеработземлес, и бедняки, объединённые в союз «Кошчи», начали явочным порядком захватывать байские и вакуфные земли. Новые веяния среди дехканства, как показали события в крупном кишлаке Кассан, Наманганского уезда, сказывались в поддержке развёртывавшейся борьбы за землю широкими слоями трудящихся; всячески противодействовавшие этому движению баи и муллы оказались изолированными от масс²⁵.

Медленнее, чем на территории бывшей Туркестанской республики, возрастала активность трудящихся кишлака в бывших Бухаре и в Хорезме. Однако некоторые сдвиги имелись и здесь, особенно в Бухарском оазисе. Созданный в Бухаре по примеру Туркестана союз «Кошчи» в середине 1924 г. насчитывал 150 тысяч членов²⁶.

Важнейшим элементом в подготовке земельно-водной реформы было очищение низовых Советов от байских элементов. В 1925 г., ещё до первых широких выборов 1926 г., на основании материалов обследования низового советского аппарата были произведены досрочные перевыборы в нескольких уездах Самаркандской и Ташкентской областей. Перевыборы, обновив состав низовых органов за счёт подлинных представителей трудового населения²⁷, содействовали усилению классового расслоения в кишлаках и укреплению органов советской власти на местах.

Сельские советы и различные кишлачные общественные организации, превращаясь в прочные опорные пункты партии большевиков, подготовили переход дехканства в решительное наступление на экономические позиции полуфеодалов-помещиков.

Эта задача как важнейший исторический акт советской власти в Узбекистане и была поставлена И. В. Сталиным перед республиканской партийной организацией. В телеграмме, присланной на имя первого съезда компартии Узбекистана в феврале 1925 г., И. В. Сталин указывал: «Объединение узбекских земель в одну республику является актом величайшей важности для всего Востока. Республика эта может стать мощной силой на Востоке лишь в том случае, если положение дехкан будет существенным образом улучшено, а мелкие арендаторы будут освобождены от кабалы баев. Не сомневаюсь, что коммунисты Узбекистана не пощадят своих сил для проведения в жизнь этих задач»²⁸.

От имени ферганского батрачества и дехканства делегат от Ферганской областной партийной организации бывший батрак Юлдаш Ахунбабаев (был избран на происходившем почти одновременно I съезде Советов Узбекской ССР в состав ЦИК, а затем председателем последнего), а также ряд других участников партийного съезда выразили пожелание о скорейшем проведении в жизнь земельно-водной реформы.

Большевистская партия возглавила и организовала поход узбекского крестьянства против байства и приступила к воплощению в жизнь его сокровенной мечты о земле.

²⁵ Партархив ИМЭЛ, ф. Средазбюро ЦК, д. 144, лл. 1—2.

²⁶ Партархив Института истории компартии Узбекистана, ф. 14, д. 75, л. 202.

²⁷ «Материалы к отчёту правительства Узбекской ССР ЦИК'у СССР», стр. 94.

²⁸ Первый съезд коммунистической партии большевиков Узбекистана. Стенографический отчёт 6—12 февраля 1925 г., стр. 5. Ташкент. 1925.

В октябре 1925 г. ЦК ВКП(б) утвердил разработанные комиссией (в состав её входили И. В. Сталин и М. И. Калинин) предложения о программе и основном направлении работ по земельно-водной реформе в республиках Средней Азии²⁹.

Состоявшийся в ноябре 1925 г. II съезд компартии Узбекистана принял решение о проведении земельно-водной реформы в духе указаний Центрального Комитета ВКП(б).

Партии и советской власти при осуществлении земельно-водной реформы приходилось считаться с ещё сохранившейся к середине 20-х годов сильной хозяйственной и политической отсталостью Узбекистана. Недостаточность культурных (поливных) земель, а также непривлекательность для дехканства широких пространств богары с бедным и неровным выпадением атмосферных осадков ограничивали размеры земельного фонда реформы. Необходимо было одновременно с изъятием у баев-помещиков хорошо орошаемых земель и восстановлением старой ирригационной сети приступить к созданию крупных площадей нового орошения на свободных государственных землях. На это и указывал М. И. Калинин в своём выступлении на I съезде компартии Узбекистана в феврале 1925 года³⁰. Возрастание с 1925—1926 г. благодаря помощи союзного правительства новых поливных площадей на землях государственных имуществ дало возможность в 1926—1929 гг. дополнительно устроить на земле десятки тысяч бедняцких хозяйств. Всё же темпы новых ирригационных работ до первой пятилетки были далеко не достаточны для удовлетворения нужды дехканства в земле.

Значительные пережитки патриархальщины, почти поголовная неграмотность населения помогали духовенству и байству удерживать влияние на отсталые слои трудящихся, особенно на многих чайриkerов. Наибольшей культурно-политической отсталостью отличалось население Бухары и Хорезма, где пережитки родо-племенных отношений, затухавшие классовые различия, были особенно сильны и где в некоторых местах ещё в 1925 г. действовали остатки басмаческих банд. Лишь в начале 1926 г. здесь впервые были проведены повсеместные выборы в кишлачные Советы и созданы выборные советские органы в волостях и уездах взамен ревкомов. Учитывая различные условия на этих территориях, земельную реформу здесь пришлось проводить в два приёма: раньше в Бухарском оазисе и в последнюю очередь в отдалённых районах.

Таким образом, земельно-водная реформа в Узбекистане в первую очередь была проведена в центральных районах республики, являвшихся и крупнейшими и лучше орошаемыми оазисами (Ферганский, Ташкентский, Самаркандский и отчасти Бухарский). Это были вместе с тем основные районы среднеазиатского хлопководства, имевшего важное значение для дела социалистической индустриализации, которая в это время развёртывалась в стране.

2 декабря 1925 г. чрезвычайная сессия ЦИК Узбекистана приняла декрет о национализации земли и воды. Декрет подтверждал и развивал прежние постановления Туркестанской АССР и Бухарской Народной Советской республики о национализации земли и воды и распространял действие национализации на территорию всего Узбекистана. Частные сделки на землю (купля-продажа, дарение, обмен, за-

²⁹ Земельно-водная реформа в Средней Азии. Доклад Средазбюро ЦК ВКП(б) Центральному Комитету ВКП(б), стр. 1—2.

³⁰ Стенографический отчёт I съезда компартии Узбекистана, стр. 33—34. Самарканд. 1925.

лог и т. д.) запрещались, что ставило серьёзную преграду на пути дальнейшей концентрации земли у байства и ограничивало эксплуататорские возможности кулачества.

В условиях преобладания поливного хозяйства особое значение имела и национализация воды.

До реформы господствующее положение в водопользовании, как и в землепользовании, имели эксплуататорские элементы. Почти каждый крупный бай-помещик стремился иметь свой отдельный магистральный канал (арык). Именно поэтому, например, река Сох в Фергане имела «веер» из 91 отвода, а такое «многоголовье» приводило к большому сокращению земледельческой площади и потере оросительной воды. Выведенная из магистральных арыков мелкая ирригационная сеть обслуживала в первую очередь участки тех же крупных баев, а также более мелких хищников, использовавших в интересах байства «выборную» должность мираба (организатора водопользования), предоставлявшего баям все преимущества и оставлявшего часто посеvy дехкан без воды.

Закон о национализации земли и воды покончил с феодально-родовыми пережитками в водопользовании и фактически сохранившимися правом частной собственности на воду. Отныне ирригационные системы были поставлены на службу дехканству.

С ликвидацией привилегий байства в водопользовании было устранено одно из крупнейших препятствий на пути подъёма трудовых бедняцко-средняцких хозяйств и развития производительных сил сельского хозяйства.

Одновременно с законом о национализации земли и воды чрезвычайная сессия ЦИК приняла декрет о земельно-водной реформе в центральных областях — Ферганской, Самаркандской и Ташкентской³¹.

Эти области, входившие в состав бывшей Туркестанской республики, как мы видели, по степени классовой дифференциации и росту политической активности бедноты, успехам советизации кишлака и организованности партийного и советского аппарата были подготовлены к реформе больше районов бывших Бухарской и Хорезмской народных республик. В последних сохранялось много феодальных пережитков и влияние бывших эмирских и ханских чиновников и духовенства сказывалось особенно сильно. Крупный сдвиг в сознании трудовых масс, вызванный земельной реформой в трёх центральных областях, не мог пройти без влияния и на смежные территории, в первую очередь в Бухарском оазисе. Это позволило через год, в конце 1926 г., осуществить реформу и в Зеравшанской (Бухарской) области. Однако в трёх отдалённых, наиболее отсталых округах³² — Сурхан-Дарьинском, Кашка-Дарьинском и Хорезмском — к земельно-водной реформе оказалось возможным приступить лишь в начале 1929 г., после проведения значительной политической работы среди дехканства, а также после учёта земель и других подготовительных мероприятий.

Таким образом, земельно-водная реформа в Узбекистане растянулась более чем на три года и захватила первый год пятилетки.

Ликвидация помещичьего землевладения, завершавшая задачи буржуазно-демократической революции в кишлаке, происходила в обстановке начавшейся борьбы за социалистическую индустриализацию страны и непосредственно предшествовала массовому переходу кре-

³¹ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и дехканского правительства УзССР за 1925 г., стр. 1792—1802. В газете «Правда Востока» эти декреты были опубликованы 4 декабря 1925 года.

³² В результате административно-территориальной реформы 1926 г. области были упразднены и введены округа (существовавшие до 1930 года).

стьянства СССР на путь коллективизации. Усиливавшееся с каждым годом наступление на капиталистические элементы в деревне определило политическую обстановку и особенности проведения земельно-водной реформы в Узбекистане. Наряду с ликвидацией основной массы помещичьих хозяйств в поливных районах значительно было ограничено и кулацкое землепользование. Решающее значение имело уничтожение крупного помещичьего землевладения, прежде всего в важнейших хлопковых районах республики. По постановлению ЦК УзССР в декабре 1925 г., все земельные владения с искусственным орошением, насчитывавшие в Фергане свыше 40, а в Самаркандской и Ташкентской областях свыше 50 десятин, подвергались полному изъятию как хозяйства помещичьего типа, независимо от места пребывания их владельцев — в кишлаке или городе. Конфискованы были и владения меньших размеров, если их собственники вовсе не занимались обработкой земли и сдавали её целиком в аренду³³. В указанных трёх областях, а затем и в Зеравшанской (Бухарской) области, в Сурхан-Дарьинском, Кашка-Дарьинском и Хорезмском округах были полностью ликвидированы 4695 имений помещиков, городских баев, духовенства, ростовщиков и бывших эмирских и ханских чиновников³⁴.

Насколько был эффективен удар, направленный против помещичьего землевладения и феодально-родовых пережитков в водопользовании, видно по резкому сокращению чайрикерской аренды, являвшейся основным источником хозяйственной мощи и политического влияния полufeодалов-помещиков. После проведения реформы первой очереди (т. е. в трёх центральных областях) число арендующих хозяйств среди наделённых землёй сократилось с 42,5 до 5,6%. Чайрикеры наряду с постоянными сельскохозяйственными рабочими (каралами) получали земельные участки, на которых они работали у баев и кулаков, в первую очередь.

В результате реформы кулачество потеряло большую часть своей земли. Хозяйствам, имевшим свыше 10, но не более 40 — 50 десятин³⁵, оставлялась норма земли, составлявшая в Ферганской области 7 десятин, в Ташкентской и Самаркандской областях 10 десятин. Излишки кулацкой земли поступали в фонд земельной реформы³⁶. Всего по республике были изъятые земельные излишки свыше чем у 21 тыс. хозяйств³⁷. После реформы в трёх центральных областях (Ферганской, Самаркандской и Ташкентской) сохранялось лишь 29% прежней земельной собственности кулацких хозяйств, причём им оставались главным образом богарные участки. Количество рабочего скота у кулаков сократилось на 19%. У помещичье-кулацких и прочих нетрудовых элементов в трёх областях в пользу наделённых землёй хозяйств было изъято 7969 голов рабочего скота, причём у помещиков скот конфисковался безвозмездно, а у кулаков — путём принудительного выкупа.

³³ Декрет о земельно-водной реформе в Ферганской, Самаркандской и Ташкентской областях. «Правда Востока» от 4 декабря 1925 года.

³⁴ «Средняя Азия в цифрах», стр. 101. Ташкент. 1931; см. также Партархив при Институте истории компартии Узбекистана, ф. 58, д. 2561, лл. 1—10.

³⁵ Декрет характеризовал группу хозяйств с такими размерами землевладения, как обрабатывающие землю «частично или полностью своими силами или силами членов своей земли» («Правда Востока» от 4 декабря 1925 г.). Как показал ход реформы, на деле почти все эти «трудовые» и «полутрудовые» хозяйства прибегали к наёмному труду и сдаче земли чайрикерам.

³⁶ Декрет о земельно-водной реформе в Ферганской, Самаркандской и Ташкентской областях. «Правда Востока» от 4 декабря 1925 года.

³⁷ «Средняя Азия в цифрах», стр. 101. Точнее, цифра 21 тыс. хозяйств, у которых были отрезаны излишки, относится только к четырём областям: Ферганской, Самаркандской, Ташкентской и Зеравшанской; в остальных районах республики изъятие излишков вообще не производилось: здесь отбиралась земля только у наиболее крупных нетрудовых хозяйств, притом отбиралась полностью (об этом см. ниже).

Иринудительно выкуплена была у кулацких хозяйств также значительная часть инвентаря, в том числе все плуги³⁸.

В результате реформы основная масса сохранившихся нетрудовых хозяйств измелчала по размерам землепользования, их эксплуататорские возможности значительно сократились³⁹. На территории бывших Бухары и Хорезма нетрудовые хозяйства были затронуты реформой в меньшей степени. Большая роль в Кашка-Дарьинском и Сурхан-Дарьинском округах богарного земледелия и скотоводства (каракулеводства), а также недостаточное политическое отслоение бедноты от байства побуждали советское правительство действовать здесь более осторожно.

Земельные излишки у сравнительно небольших байских хозяйств в Кашка-Дарьинском, Сурхан-Дарьинском и Хорезмском округах вообще не отбирались. Поливная земля подвергалась изъятию — притом полному — у хозяйств, размер которых превышал 20 гектаров. Что касается богарной площади, то конфискация её проводилась начиная с наделов в 45 гектаров и выше и лишь «в перенаселённых и полностью обеспеченных атмосферными осадками местностях»⁴⁰. Вместе с землёй у ликвидируемых помещичьих хозяйств безвозмездно конфисковали рабочий скот, инвентарь, хозяйственные постройки. Поскольку продуктивный и промышленный скот по закону о земельно-водной реформе изъятию не подвергался, каракулеводам и другим скотовладельцам оставлялась земельная площадь «в размерах, необходимых для ультурного ведения хозяйства»⁴¹. Фактически в руках земельного байства отдалённых районов, в том числе у значительной части помещиков, и после реформы сохранилась довольно обширная земельная площадь, а также рабочий скот и инвентарь.

Эти исключения и льготы носили временный характер. Они вызывались, с одной стороны, местной политической обстановкой, с другой — необходимостью сохранения хорошо поставленных хозяйств в такой специализированной товарной отрасли, как каракулеводство; эти хозяйства пока не могли быть заменены животноводческими совхозами и колхозами. В то же время известную роль играли и мотивы повышения земледельческой культуры на пустующих массивах богары и недостаточно освоенных поливных площадях.

В результате передачи дехканству помещичьих и части кулацких земель трудовое землепользование сильно расширилось. В Ферганской, Ташкентской, Самаркандской и Бухарской областях 66 тыс. безземельных и малоземельных хозяйств получили 270 тыс. гектаров поливной площади, из которых 52 тыс. составляли вновь орошённые в 1925—1927 гг. земли государственных земельных имуществ⁴². В остальных местностях — на Сурхан-Дарье, Кашка-Дарье и в Хорезме — наделены

³⁸ В Фергане в каждом хозяйстве, подвергавшемся урезке, оставались его владельцу две лошади или три быка, а в Самаркандской и Ташкентской областях — по три лошади или четыре быка. «Народное хозяйство Средней Азии» № 1—2 за 1926 г., стр. 3.

³⁹ Сплошное обследование хозяйств трёх кишлаков Ташкентского и Андижанского уездов в 1926—1927 г. показало, что наиболее крупные размеры по землепользованию ставили хозяйства в 13—14 гектаров («Бюджеты крестьянских хозяйств хлопковых районов Средней Азии». Вып. I, табл. на стр. 3. Ташкент. 1929). Следует, однако, иметь в виду, что часть баев во время реформы сумела скрыть значительную площадь благодаря разбросанности их землевладения по разным районам, а также посредством фиктивных передачи участков родственникам-беднякам, чайрикерам и т. д.

⁴⁰ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и дехканского правительства УзССР за 1928 г., стр. 794, 1238.

⁴¹ Там же, стр. 797, 803, 1240, 1247.

⁴² «Узбекистан за XV лет». Статистический сборник, стр. 45.

землѣй были свыше 13 тыс. бедняцких хозяйств, получивших 44 тыс. гектаров тоже главным образом поливной земли⁴³.

В целом по Узбекистану за 1925—1929 гг. около 80 тыс. хозяйств — до 10% всего дехканства — получили 314 тыс. гектаров удобной и хорошо орошаемой земли⁴⁴.

Если на помещичье-кулацких землях наделы в первую очередь закреплялись по признаку фактического пользования, т. е. за издольщиками (чайрикерами) и другими трудовыми арендаторами, за постоянными рабочими (каралами), то преимущественное право на получение земельных наделов из вновь орошаемых земель государственных земельных имуществ и пустующих земель предоставлялось другим группам малоземельного крестьянства⁴⁵. Устройство на земле новых хозяйств обеспечивалось предоставлением (кроме средств производства, конфискованных у помещиков и принудительно выкупленных у кулаков) государственного кредита скотом, инвентарём, семенами, а также поземельного и продовольственного кредитов. Только в 1925—1926 г. на устройство новых хозяйств был оказан кредит на сумму более 10 млн. рублей. Большая часть этих средств была ассигнована из общесоюзного бюджета⁴⁶.

Национализация земли и воды, освободившая многие дехканские хозяйства от уплаты байству арендных сумм, явилась источником подъёма дехканских хозяйств⁴⁷. При всесторонней помощи советского государства дехканин имел теперь возможность вкладывать в производство те средства, которые при частной собственности на землю он вынужден был тратить на покупку земли или арендные взносы.

Реформа, однако, не удовлетворила полностью земельный голод дехканства. Так, в трёх центральных областях получили землю лишь 22% нуждавшихся в ней хозяйств.

Недостаточность фонда изъятых у байства земель, а также вновь орошённых земель государственных имуществ заставила в целях наделения наибольшего количества бедноты снизить запроектированные нормы наделения (3,5—5 десятин); фактический размер земельных участков, предоставлявшихся дехканам, например в трёх центральных областях, составлял в среднем до 2,3 десятины на старых землях и до 2,6 десятины на вновь орошённых⁴⁸.

Как было установлено на основании 10-процентного обследования Наркомземом УзССР результатов реформы в трёх центральных областях, после наделения землѣй наиболее нуждающихся в ней дехкан главную массу хозяйств представляли середняцкие хозяйства⁴⁹. В 1926—1927 г. на одно хозяйство в районах земельной реформы приходилось в среднем 2,04 десятины поливных посевов вместо 0,97 десятины посевов, прихо-

⁴³ Партархив при Институте истории компартии Узбекистана, ф. 58, д. 2561, л. 1—10. В Сурхан-Дарьинском и особенно в Кашка-Дарьинском округах было изъято свыше 11 тыс. гектаров хорошо орошаемой атмосферными осадками богарной земли.

⁴⁴ В эту цифру не входят итоги наделения землѣй бедноты в связи с так называемой доликвидацией помещичьих хозяйств в начале 1929 года.

⁴⁵ Декрет о земельно-водной реформе. «Правда Востока» от 4 декабря 1925 года.

⁴⁶ Наркомзем Узбекской ССР. Отчёт о проведении земельно-водной реформы в Ферганской, Самаркандской и Ташкентской областях, табл. на стр. 70—71.

⁴⁷ По данным Госплана СССР, размер этой земельной ренты только в указанных трёх областях Узбекистана составил около 10,7 млн. рублей (ЦГАОР СССР, ф. 3316, оп. I, д. 174-б, ч. I, № 249). Сплошное же обследование дехканских хозяйств Кокан-Кишлакской волости, Ферганской области, в 1925 г. установило, что рента, выплачиваемая чайрикерами, в пять раз превышала причитающуюся с обследованных хозяйств сумму сельскохозяйственного (Давыдов А. «Кокан-Кишлакская волость перед земельной реформой», стр. 139).

⁴⁸ ЦГАОР, ф. 3316, оп. I, д. 174-б, ч. I (Объяснительная записка Госплана СССР к проекту постановления СТО по отчётам Совнаркомов Узбекской и Туркменской ССР о результатах проведения земельной реформы в 1925—1926 гг.), л. 245.

⁴⁹ Дополнительные материалы к отчёту о проведении земельной реформы в Ферганской, Самаркандской и Ташкентской областях (в дальнейшем: «Дополнительные материалы к отчёту...»), стр. 48.

дившихся на двор до реформы. Обеспеченность рабочим скотом соответственно увеличилась на двор с 0,45 до 0,96 единицы⁵⁰.

Таким образом, земельно-водная реформа в целом привела к сокращению бедняцкого слоя и значительному «осереднячиванию» кишлака. В течение 1925—1927 гг. общее число середняцких хозяйств в трёх центральных областях увеличилось на 10,3%, их поливная посевная площадь расширилась на 14,5%, а обеспеченность скотом возросла на 17,8%⁵¹. Эти данные свидетельствуют, что наряду с ростом численности середняцких хозяйств происходило их укрепление.

Согласно 10-процентной сельскохозяйственной переписи в 1927 г., т. е. после завершения реформы в четырёх центральных областях, середняцкие хозяйства по всей республике составляли 53% всех хозяйств, бедняцкие — 40%, кулацкие хозяйства — около 7%⁵². Характерно, что самый высокий процент середняков насчитывался в местностях, полностью охваченных к этому времени земельно-водной реформой, т. е. в поливных районах Ферганы, Ташкентского, Самаркандского и Бухарского оазисов.

Одним из важных хозяйственных последствий земельно-водной реформы в Узбекистане для всего Советского Союза было расширение хлопковых посевов. Доля хлопчатника на предоставленных реформой дехканам посевных площадях возросла с 35% в 1924 г. до 62% в 1926 году⁵³. Таким образом, значительный рост посевной площади хлопчатника произошёл уже в первом году реформы, т. е. когда новые хозяйства не сумели ещё достаточно полно освоить предоставленную им земельную площадь. В 1928 г. основную часть хлопковой площади в Андижанском округе засевали бедняcko-середняцкие хозяйства; только в хозяйствах, имевших до 2,5 десятины каждое и составлявших часть трудových хозяйств, было сосредоточено 68,8% всех посевов хлопка⁵⁴.

Земельно-водная реформа в Узбекистане — крупнейшем хлопководческом районе Союза — ускорив расширение хлопковых площадей, способствовала сокращению импорта в СССР хлопкового волокна из-за границы⁵⁵.

Реформа дала также значительный толчок распространению в узбекском кишлаке современной сельскохозяйственной техники. До этого времени плуг, борона и другие «европейские» орудия использовались почти исключительно русскими крестьянами-переселенцами. В лице наделённых землёй дехкан появились пионеры применения современной техники и в среде узбекского крестьянства. К 1927 г. количество хозяйств, пахавших плугами, увеличилось в Узбекистане в 24 раза. Правда, число таких хозяйств составляло в этом году всего около 2,4%⁵⁶; преобладание местного, примитивного инвентаря на сельскохозяйственных работах продолжало сохраняться вплоть до самого конца 20-х го-

⁵⁰ ЦГАОР, ф. 3316, оп. I, д. 174-б, ч. I, л. 248.

⁵¹ Там же, л. 249.

⁵² ЦАУ УзССР, ф. 9, д. 1513, л. 25. По исчислениям С. Г. Струмилина, удельный вес середняка в Узбекистане в 1927 г. был ещё выше — 61%. См. статью С. Г. Струмилина «Расслоение советской деревни». «Плановое хозяйство» за март 1928 г., табл. на стр. 56.

⁵³ ЦГАОР, ф. 3316, оп. I, д. 1745, ч. I, л. 248.

⁵⁴ Архив НКЗ СССР, ф. Колхозцентра, оп. 235, св. 4, д. 21. Докладная записка «К вопросу роста хлопковой площади в Андижанском округе в 1928 году».

⁵⁵ В 1927—1928 хозяйственном году, т. е. после завершения земельной реформы в главных сельскохозяйственных районах Узбекистана и восстановления хлопководства, снабжение союзной текстильной промышленности волокном советского производства повысилось до 58,5%. Доля главного импортёра хлопка — США — снизилась в этом году с 42% до 35,8% («Средняя Азия в цифрах», стр. 61). Надобность во ввозе хлопкового волокна из-за границы, однако, полностью миновала лишь к концу первой пятилетки — в результате социально-технической реконструкции хлопкового хозяйства, массовой коллективизации дехканских хозяйств.

⁵⁶ «Дополнительные материалы к отчёту...», стр. 35.

дов. Но именно со времени реформы проникновение европейской техники в местное сельское хозяйство началось в заметных размерах. Это послужило подготовкой к последующей, начавшейся в 1929—1930 г., одновременно с массовым образованием колхозов, коренной технической реконструкции сельского хозяйства Узбекистана.

В годы земельно-водной реформы в среднеазиатское сельское хозяйство проникает трактор. Применённый впервые в хлопковых семенных совхозах и встреченный изумлёнными дехканами, как «шайтан-омач», трактор после земельной реформы стал употребляться на переданных дехканству вновь орошённых государственных землях, где надо было поднимать целину, и быстро приобретал популярность в кишлаке. В 1925—1926 г. на полях Узбекистана действовало 494 трактора, а через два года — 1204⁵⁷. Если до земельно-водной реформы трактором было вспахано только 4,8% всей засеянной площади (переданной затем новым хозяйствам), то уже в 1926—1927 г. этот процент поднялся до 19,6⁵⁸.

Первые шаги по внедрению новой техники способствовали укреплению наделённых землёй хозяйств, а вместе с тем — общему подъёму производительных сил в сельском хозяйстве Узбекистана и быстрому завершению восстановительного процесса в хлопководстве.

Земельно-водная реформа встретила отчаянное сопротивление помещиков и кулачества. Значительную поддержку эксплуататорской верхушке кишлака оказывали пробравшиеся в партийный и советский аппарат республики узбекские буржуазные националисты. Для этой цели они использовали слабость многих кишлачных партийных ячеек и низовых советских органов, их засорённость чуждыми элементами.

Ещё в период подготовки реформы националистические элементы, учитывая сложившуюся политическую обстановку — усиление активности эксплуататорских классов кишлака и антипартийное выступление троцкистско-зиновьевской оппозиции в 1925 г., — в целях противодействия проведению реформы предприняли атаку против политики большевистской партии в кишлаке. Однако выступившая в середине 1925 г. внутри компартии Узбекистана оппозиционная группа «18-ти» не нашла никакого отклика в партийных массах и ещё накануне созыва, принявшего решение о реформе II съезда КП(б)Уз, была разоблачена как байско-националистическая агентура.

Не удалась и попытка извратить реформу, использовать её для стимулирования капиталистического развития кишлака в интересах кулачества⁵⁹.

Несмотря на провал прямых попыток сорвать реформу, буржуазно-националистические элементы всё же помогли части байства временно удержать свои земли. Для этой цели использовались остатки родовых отношений, патриархальщина, пускались в ход подкупы, угрозы и т. д. Отдельным баям и кулакам даже после реформы, при помощи тех же средств, удалось вернуть некоторую часть изъятой земли. В нарушение закона о национализации земли и воды байско-кулацкие элементы путём тайных сделок и незаконных покупок приобретали новые земельные участки и т. д.

⁵⁷ «Средняя Азия в цифрах», стр. 76.

⁵⁸ «Дополнительные материалы к отчёту...», стр. 35.

⁵⁹ Отдельные противники реформы имелись и внутри руководства компартии Узбекистана. Им даже удалось включить в один из проектов постановления Исполбюро ЦК КП(б)Уз по вопросу о земельной реформе (Материалы ко II съезду КП(б)Уз, стр. 4. Самарканд. Изд. ЦК КП(б)Уз, на правах рукописи) формулировку о «прогрессивном характере» кулацко-капиталистического хозяйства и предложение «не разжигать классовую борьбу в кишлаке». Эти враждебные попытки потерпели неудачу, и II съезд компартии Узбекистана, как отмечалось выше, принял решение о реформе в духе директив ЦК ВКП(б).

Сопrotивление байства и его агентуры — буржуазных националистов — проведению земельно-водной реформы было сломлено благодаря твёрдому руководству Центрального Комитета ВКП(б) парторганизацией Узбекистана, его бдительному контролю за ходом реформы, исправлению извращений и ошибок в процессе её проведения. Так, в результате вмешательства ЦК партии в 1929 г. была проведена до-ликвидация сохранившихся помещичьих и крупнокулацких хозяйств в Фергане и в некоторых других районах, а также исправлены грубейшие нарушения интересов середняков⁶⁰. В некоторых местах, например в Средне-Чирчикском районе, Ташкентского округа, борьба батрачества и бедноты за последовательное проведение реформы, за землю и воду, затянувшаяся на несколько лет из-за подрывных действий врагов, завершилась полным торжеством бедноты и поражением байства благодаря непосредственному вмешательству ЦКК ВКП(б), направившей на места выездную комиссию⁶¹.

Земельно-водная реформа была крупным политическим экзаменом для большевистской организации Узбекистана. Под руководством Центрального Комитета ВКП(б) она успешно справилась с разрешением этой задачи.

Огромное значение для успеха реформы и провала расчётов её врагов имело укрепление связи узбекской парторганизации с массами беднейшего дехканства. Эта связь устанавливалась через выезды на места руководящих работников республики во главе с председателем ЦИК УзССР Ахунбабаевым, а также через передовых представителей городских трудящихся — русских и узбекских рабочих, профсоюзных работников-активистов, прежде всего членов партии. Представители трудящихся города составляли ядро земельных комиссий по проведению реформы и опирались в своей работе на актив кишлачных Советов, союза «Кошчи», работземлеса и других низовых массовых организаций. Особенно широкой опорой был союз «Кошчи», сыгравший крупную роль в проведении реформы. Его члены оказывали большую помощь партийным и советским органам в выявлении байских хозяйств, размеров их землевладения, количества скота, инвентаря, а также участвовали в распределении земли и т. д. Бедняки и середняки, видя, что советская власть стремится осуществить сокровенные чаяния дехканства о земле, ассигнует крупные средства на восстановление ирригации и расширение поливной площади, заботится о снабжении дехканства рабочим скотом и инвентарём и пр., теснее сплачивались вокруг советской власти.

Повышение классового самосознания и политической активности передовой части дехканства сказалось в росте деревенской организации коммунистической партии Узбекистана. По данным 10-процентной переписи ЦСУ Узбекистана, партийно-комсомольская прослойка среди наделённых землёй в течение 1925—1927 гг. увеличилась вдвое⁶². Рост кишлачной организации КП(б)Уз способствовал оживлению всей общественно-политической жизни кишлака. Особенно усиливалась тяга в союз «Кошчи». Число членов «Кошчи» среди наделённых землёй Ферганской, Самаркандской и Ташкентской областей, по данным той же переписи, за год реформы возросло более чем в два раза. В Ферган-

⁶⁰ См. Постановление ЦК ВКП(б) о работе парторганизации Узбекистана. «Узбекистанская правда» от 2 июня 1929 года.

⁶¹ Подробнее о среднечирчикском деле см. партархив ИМЭЛ, ф. Средазбюро ЦК, материалы Упол. ЦКК в Средней Азии, оп. 2, д. 138. Информационное письмо о состоянии партийной организации Узбекистана.

⁶² «Дополнительные материалы к отчёту,...», стр. 10.
5. «Вопросы истории» № 11.

ской долине это увеличение было особенно значительно; в Андижанском округе ряды «Кошчи» расширились более чем в четыре раза⁶³.

Политический подъём среди трудящихся кишлака ярко выявился, как мы уже отмечали выше, на происходивших в начале 1926 г. широких перевыборах в Советы. Кампания перевыборов привела к особенному оживлению работы кишлачных Советов в центральных областях республики, где в это время проводилась земельная реформа. Заинтересованная в последовательном проведении земельной реформы, беднота Ферганы, Ташкентской и Самаркандской областей, стремясь к овладению низовым советским аппаратом, успешно вытесняла имевшие до 1926 г. сильное влияние в нём байские элементы.

В районах Бухары и Хорезма, где выборы в Советы проводились впервые, создание низовых выборных советских органов имело огромное значение для укрепления связи с населением и подготовки предстоявшей и здесь земельно-водной реформы.

Новые успехи большевистской партии принесли две последующие избирательные кампании в Советы — в 1927 и 1929 гг., когда трудовое дехканство увидело реальные плоды земельно-водной реформы, распространившейся на территорию всей республики.

Оживление Советов и вовлечение в борьбу с байством значительной массы батраков, бедноты, передовой части середняков, а также женщин⁶⁴ свидетельствовали, что в узбекской деревне нарождался массовый беспартийный советский актив. Против него, как и против коммунистов, был направлен байско-кулацкий террор. В течение 1928 и начале 1929 г. были убиты 61 человек из батраков и бедняков, наделённых землёй по реформе, а также 30 кишлачных активистов, 23 советских работника и до 100 женщин-активисток. Подавляющее большинство их было беспартийными. Среди убийц были обнаружены 169 помещиков, кулаков и бывших чиновников бухарского эмира, а также 10 представителей мусульманского духовенства⁶⁵.

Если земельно-водная реформа была крупным шагом вперёд в советизации кишлака, то оживление Советов и укрепление национальной государственности способствовали завершению земельно-водной реформы.

Именно в результате многочисленных сигналов снизу, от низового советского актива, от батраков и бедняков, о фактах сокрытия баями в период реформы земель — в декабре 1928 г. — ЦИК Узбекской ССР по указанию ЦК ВКП(б) издал декрет о доликвидации помещичьих и крупных кулацких хозяйств, утаивших свои земельные участки. Начавшаяся в январе — феврале 1929 г. в Фергане доликвидация⁶⁶ нанесла новый удар байским элементам, а часть ферганской бедноты вновь получила прирезку земель. Но допущенные в ряде мест извращения декрета о доликвидации, выразившиеся в антисередняцких перегибах, заставили республиканские органы переключить внимание на устранение этих извращений и приостановить доликвидацию, приурочив её завершение по всей республике к проведению сплошного землеустройства, развёрнутого в 1929—1930 г., одновременно с началом массового колхозного строительства⁶⁷.

⁶³ «Дополнительные материалы к отчёту...», стр. 10.

⁶⁴ Участие женщин-узбечек на выборах в 1926 г. — 7% и в 1927 г. — 16%. «Правда Востока» от 29 декабря 1927 года. Доклад Ю. Ахунбабаева на II съезде Советов УзССР.

⁶⁵ Партархив ИМЭЛ, ф. Средазбюро ЦК, материалы Упол. ЦКК в Средней Азии, оп. 2, д. 138. Информационное письмо о состоянии партийной организации Узбекистана.

⁶⁶ Собрание узаконений и распоряжений рабоче-дехканского правительства УзССР за 1928 г., т. II, стр. 11—41.

⁶⁷ Постановление II сессии ЦИК УзССР «Об итогах доликвидации и об исправлении ошибок, допущенных при доликвидации, сохранившихся при проведении земреформы помещичьих и крупнокулацких хозяйств». «Узбекистанская правда» от 2 декабря 1929 года.

Социально-экономическое развитие узбекской деревни после земельно-водной реформы блестяще подтвердило правильность и дальновидность курса большевистской партии на некапиталистическое развитие такого отсталого национального района, как Узбекистан. Кишлак, при растущей из года в год хозяйственной и политической помощи русского народа и всего Союза под руководством партии большевиков и великого продолжателя дела Ленина И. В. Сталина совершал переход к социалистическому строительству на основе ленинского кооперативного плана. Хозяйственное устройство наделённых землёй десятков тысяч дехкан происходило при значительной помощи со стороны советского государства и при непосредственном содействии сельскохозяйственной кооперации. Благодаря этому многовековое социальное зло—кишлачное ростовщичество—стало успешно вытесняться со своих позиций, а кооперативное движение обнаружило бурный рост. Уже в 1928 г. сельскохозяйственная кооперация охватила огромное большинство хлопковых хозяйств Узбекистана и заняла решающее положение в заготовках хлопка. Кишлак, в основном освободившийся после проведения земельно-водной реформы от пут феодально-родового уклада, под руководством большевистской партии и через посредство кооперации всё более смыкался с социалистической индустрией. Тесно связываясь с кишлаком в области заготовок и сбыта сырья, кооперация из года в год расширяла свои функции. Вскоре кооперативные товарищества стали оказывать производственную помощь дехканам и явились пропагандистами и рассадниками среди них современной техники. Этим была подготовлена почва для создания машинопрокатных пунктов, для производственного кооперирования дехканских хозяйств в форме организации машинно-тракторных и других простейших производственных объединений.

Социальная направленность земельно-водной реформы ярко сказалась в той роли, которую эта реформа сыграла в первых шагах колхозного строительства. Законодательство о земельно-водной реформе поощряло образование колхозов. Советские органы предоставляли объединявшимся дехканам лучшие земельные участки, а кооперация обеспечивала коллективы особенно льготным кредитом и оказывала им преимущество при снабжении рабочим скотом, инвентарём и т. д. Если до реформы в республике насчитывалось всего несколько десятков и притом карликовых коллективных хозяйств, то в 1926 г. в районах, где проводилась земельная реформа (главным образом в Фергане), было организовано 364 новых колхоза⁶⁸. По мере распространения реформы на остальную территорию Узбекистана колхозное движение заметно стало усиливаться и здесь. В начале 1929 г., накануне великого перелома в деревне, наибольшее количество колхозов было организовано в районах, где в это время проводилась земельно-водная реформа, — в Кашка-Дарьинском, Сурхан-Дарьинском и Хорезмском округах⁶⁹.

К началу 1929 г. в колхозах, созданных в период реформы, насчитывались десятки хозяйств, возвышавшихся по техническому уровню, урожайности и товарности над окружающими индивидуальными хозяйствами. Передовые колхозы в этом историческом году, когда большевистская партия возглавила и организовала поворот к массовому колхозному строительству, сумели оказать во время сева значительную помощь бедноте и повлияли на начавшийся в октябре этого же года и в Узбекистане массовый прилив крестьянства в колхозы.

⁶⁸ «Дополнительные материалы к отчёту...», стр. 67.

⁶⁹ Партархив ИМЭЛ, ф. Средазбюро ЦК, оп. 2, д. 3230, л. 27.

Таким образом, национализация земли и происходившая на её основе аграрная реформа 1925—1929 гг. подготовили и другое важное условие великого перелома в узбекском кишлаке. Ликвидация частной собственности на землю, запрещение купли-продажи земли, конфискация помещичьих и части кулацких хозяйств, принудительная передвижка хозяйств в процессе начавшегося сплошного землеустройства— всё это, помимо крупнейшего экономического значения, оказывало огромное влияние на перевоспитание мелкособственнической психологии единоличников: узбекский крестьянин начал освобождаться от фетиша частной собственности, от рабской приверженности к своему клочку земли.

Земельно-водная реформа принесла крупные сдвиги в хозяйственной и политической жизни Узбекской ССР. Беднейшая часть кишлака особенно ощутительно почувствовала улучшение своего положения при советском строе. Ускорившийся подъём хлопководства благоприятно отразился на ходе социалистической индустриализации всего Советского Союза.

Основные итоги реформы были подведены президиумом Госплана СССР при обсуждении 5 мая 1928 г. доклада Совнаркома УзССР: «Признать, что земельно-водная реформа дала следующие положительные результаты: освободила трудовое дехканство от уплаты ренты байству, способствовала росту как общей посевной площади, так и хлопчатника, повысила обеспеченность живым и мёртвым инвентарём, а также распространение европейского инвентаря, сократила число арендующих хозяйств, сократила число много- и малоземельных хозяйств, повысила коллективное использование скота за счёт уменьшения найма, увеличила экономическую мощь устроенных хозяйств, повысила классовое самосознание деревенской бедноты и середняка, а также политическую активность этих групп»⁷⁰.

Однако реформа при всех своих крупных результатах не могла коренным образом разрешить аграрную проблему в Узбекистане. Такая задача на этом этапе и не могла ставиться, так как реформа своей первоочередной задачей имела в виду ликвидацию феодального уклада и патриархально-родовых пережитков в земле- и водопользовании. Вследствие своих ограниченных задач реформа не могла прекратить процессы классовой дифференциации и полностью уничтожить эксплуатацию. В кишлаке, хотя и в ослабленном виде, но сохранялись ещё кулацкие хозяйства, а в отдельных местах не были даже ликвидированы до конца помещичьи хозяйства и элементы докапиталистической эксплуатации; немало дехкан-бедняков вынуждены были всё ещё «чайрикерствовать»; не было покончено с безинвентарностью значительного количества трудовых хозяйств.

Но даже при ограниченности задач реформы положительный результат заключался в том, что внимание широких масс дехканства сосредоточивалось на идее более глубокого аграрного переворота. Этому способствовало всё более широкое участие дехканства в кооперативном движении и более тесная связь с крупной социалистической промышленностью. К Узбекистану второй половины 20-х годов вполне применимо то, что Ленин сказал о послеоктябрьской русской деревне, где проведение закона о национализации земли и передача помещичьей, частично и кулацкой земли в руки трудового крестьянства создали «земельный строй, н а и б о л е е г и б к и й в смысле перехода к социализму»⁷¹.

⁷⁰ ЦГАОР, ф. 3316, оп. 1, д. 174-б, ч. I, л. 257.

⁷¹ Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 402.

В свете новых исторических задач выдающееся значение имело повышение политической сознательности и активности значительной массы трудового дехканства. Школа классовой борьбы 1925—1929 гг. дала бедноте и середнякам серьёзный политический опыт и явилась важным фактором включения кишлака в дело социалистического преобразования сельского хозяйства. Этот опыт имел тем большее значение, что в районах хлопководства крестьянство не прошло той школы борьбы с кулачеством, которую дала классовая борьба в зерновых районах Союза во время хлебозаготовок 1928 года. В то время когда в кишлаке ещё царил подъём, вызванный земельно-водной реформой, большевистская партия, идя навстречу поднимающемуся массовому движению среди дехканства, организовала и возглавила переход к широкому колхозному строительству.

Установку на массовую коллективизацию в отношении узбекского кишлака выразила в октябре 1929 г. созванная после завершения земельно-водной реформы по всей республике II сессия ЦИК Узбекской ССР. Сессия приняла историческое решение о начале массового строительства колхозов, исходя из того, что реформа «создала условия для ускоренного переустройства и коллективизации сельского хозяйства Узбекистана»⁷².

⁷² Постановление II сессии ЦИК УзССР. «Узбекистанская правда» от 28 ноября 1929 года.